

М. М. САФОНОВ

О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ РАНИХ ЗАПИСКАХ М. М. СПЕРАНСКОГО

В рукописном наследии М. М. Сперанского, крупнейшего государственного деятеля России первой половины XIX в., с именем которого связаны радикальные планы преобразования социально-экономического и политического строя страны, совершенно особое место занимают так называемые ранние записки: «Отрывок о Комиссии Уложения»,¹ «О коренных законах государства»,² «Размышления о государственном устройстве империи».³ Впрочем, как раз именно место этих сочинений среди других произведений Сперанского остается не вполне понятным. По своим идеологическим установкам они довольно существенно отличаются от других сочинений этого автора и как будто представляют собой важный момент в его эволюции как государственного деятеля и политического мыслителя, но обстоятельства создания этих документов неизвестны, точная датировка их не установлена, степень участия Сперанского в их составлении не вполне ясна. Вот почему так называемые ранние записки Сперанского всегда являлись камнем преткновения для ученых, пытающихся интерпретировать эволюцию политических взглядов государственного секретаря Александра I.

Впервые с именем Сперанского их связал декабрист Н. И. Тургенев. В 1816 г., будучи чиновником Комиссии составления законов, Тургенев оказался причастным к рассмотрению бумаг опального Сперанского.⁴ Не все они были распределены по назначению, часть из них осела в тургеневском архиве. Наряду с рукописью самого значительного произведения Сперанского «Введение к Уложению государственных законов» в руках Тургенева оказались две никак не озаглавленные записки без даты и без подписи. Они были написаны

¹ Сперанский М. М. Проекты и записки. М.; Л., 1961. С. 17—28. — Далее: «Отрывок».

² Там же. С. 28—56. — Далее: «О коренных законах».

³ Там же. С. 56—67. — Далее: «Размышления». В дальнейшем все ссылки на эти документы даются в тексте.

⁴ Опись бумаг М. М. Сперанского 1812 года, изданная под ред. кн. Н. В. Голицына. Пг., 1916. С. 5, 20. (Тр. Комиссии по изданию сочинений, бумаг и писем М. М. Сперанского; Вып. 1).

на хорошей, плотной бумаге, ровным писарским почерком, только на правой стороне листа и сшиты одинаковыми тетрадами, по 10 листов каждая, шнурком, цвета которого употреблялись обычно для всеподлиннейших докладов.⁵ Основной текст первой записки не имел никакого названия, только слева другой рукой было написано: «Отрывок о Комиссии Уложения». Текст записки, первоначально белой, был подвергнут значительной переработке, вымышленной рукой Сперанского, и принял черновой характер.⁶ Основной текст второй записки также не имел названия, но слева другой рукой было написано: «Mémoire sur 2^m ex[er]p[er]ta[re]». Как и в первой записке, белой текст был основательно исправлен Сперанским и превратился в черновик. Между листами 43 об. и 44 часть текста отсутствовала и на л. 44 была сделана отметка: «Здесь потерял лист или два». ⁷ В архиве Тургенева сохранилась также писарская копия этой записки, явно позднейшая. Она воспроизводила ее последнюю редакцию и носила заглавие: «Mémoire sur la législation fondamentale en général (une espèce d'introduction aux projets suivants)».⁸

Обстоятельства происхождения этих двух записок, очевидно, не были известны Тургеневу. И сам факт пребывания их в бумагах Сперанского, и довольно значительные вставки на отдельных листах, написанные всецело его рукой, — этого оказалось вполне достаточно, чтобы Тургенев заключил, что Сперанский был автором этих сочинений. Когда в 1847 г. Тургенев выпускал в Париже свою известную книгу «Россия и русские», где попытался познакомить европейскую общественность с реформаторскими планами российских верхов, он поместил в ней извлечения из вышеуказанных записок.⁹ В них содержались немаловажные идеологические отличия от самого значительного труда Сперанского — «Введения к Уложению государственных законов». По словам известного исследователя крестьянского вопроса В. И. Семевского, тут уже чувствовалось влияние английских консервативных взглядов. В. И. Семевский предположил, что эти извлечения сделаны из записок, написанных уже после крушения его блестящей карьеры и последовавшей за ней опалы.¹⁰ В связи с этим ученый указал на необходимость для характеристики политических взглядов Сперанского изучить отдельно «Введение к Уложению государственных законов» и эти записки. В 1905 г. в Рукописном отделе Библиотеки Академии наук, в архиве

⁵ См. подробно описание рукописей: Вилх. С. И. 1) Законодательные проекты М. М. Сперанского в печати и в рукописях // Ист. зап., 1955, т. 54, с. 470—471; 2) Предисловие // Сперанский М. М. Проекты и записки, с. 12.

⁶ РО ИРЛИ, ф. 309, № 1006, л. 1—23 об.

⁷ Там же, № 1005, л. 1—70.

⁸ Там же, № 1004, л. 1—41 об. — В 1961 г., когда записка была впервые издана, издатели дали ей название «Очерк основных законов государства». Этим названием мы и будем пользоваться в дальнейшем.

⁹ Tourgueneff N. J. La Russie et les Russes. Paris, 1847, т. III, p. 425—477.

¹⁰ Семевский В. И. 1) Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. СПб., 1888, т. 1, с. 341—342; 2) Из истории общественных течений в России в XVIII и первой половине XIX века // Историческое обозрение, СПб., 1897, т. IX, с. 264; Проект Уложения государственных законов М. М. Сперанского // Там же, 1899, т. X, с. 1—2.

Н. И. Тургенева, В. И. Семевскому посчастливилось обнаружить рукописи данных сочинений. Ученый дал краткое описание обнаруженных рукописей и опубликовал обстоятельное изложение обеих записок, сопроводив их подробным комментарием. В. И. Семевский установил, что в «Отрывке» есть непосредственное указание на записку «О коренных законах». Обнаружив в «Отрывке» упоминание о А. И. Радищеве как человеке здравствующем, В. И. Семевский заключил, что обе записки составлены не позднее дня смерти писателя 11 сентября 1802 г.¹¹ Что касается происхождения записок, то В. И. Семевский предположил, что П. В. Завадовский, назначенный главой Комиссии составления законов, обратился к Сперанскому с просьбой подготовить записку о планах будущих работ комиссии и «Отрывок» был написан в ответ на эту просьбу. Относительно записки «О коренных законах» В. И. Семевский высказал предположение, что она представляла собой наивысшее обсуждением сенатской реформы, но отнюдь прямо с ней не связанное, написанное для самого себя теоретическое рассуждение, первый политический трактат Сперанского. Позже ученый гипотетически допустил, что записка была сориентирована на читателей из Негласного комитета, считая возможным, что «молодые друзья» царя были знакомы с трактатом Сперанского и высказывали содержащиеся там мысли.¹²

В 1911 г. среди материалов Комитета 6 декабря 1826 г. ученый нашел рукопись под названием «Размышления неизвестного о государственном устройстве вообще».¹³ В. И. Семевский обнаружил в ней цитату из зачеркнутого места в записке «О коренных законах» и пришел к выводу, что автор ее также Сперанский. Ученый датировал записку 1802 г. на том основании, что в ней упоминались «бумаги о составе Уложения». В. И. Семевский рассудил, что раз Сперанскому было поручено докладывать по делам Комиссии составления законов в конце 1808 г., то «Размышления» были написаны в начале 1800 г. Исходя из этих наблюдений, Семевский очертил эволюцию взглядов Сперанского, которые, по мнению ученого, развивались от аристократизма к демократизму. При этом оказывалось, что, незадолго перед тем как приняться за «Введение к Уложению государственных законов», он все еще разделял свои идеи 1802 г. и даже цитировал царя составленный тогда свой первый политический трактат.

Если В. И. Семевский все без исключения положения в так называемых ранних записках безоговорочно считал выражением политических предвидений самого Сперанского, то М. И. Покровский полагал, что Сперанский по всем проектам воплощал не столько собственные взгляды, сколько взгляды своего начальства.¹⁴ Точка

¹¹ Семевский В. И. Первый политический трактат М. М. Сперанского // Русские богатства, 1907. № 1. С. 46—85.

¹² Семевский В. И. Либеральные планы и правительственная сфера в первой половине царствования императора Александра I // Отечественная война и русское общество. М., 1911. Т. II. С. 166—167.

¹³ ЦИА СССР, ф. 1167, ин. XVI, п. 1, № 52.

¹⁴ Покровский М. И. Александр I (1801—1825) // История России в XIX веке. М., 1907. С. 43, 45—46.

зрения М. Н. Покровского несколько поколебала авторитетное мнение В. И. Семевского. И если одни исследователи все еще продолжали видеть в этих записках выражение политического кредо Сперанского,¹⁵ то другие начали сомневаться в этом. Б. И. Сыромятников высказал предположение, что ранние записки имели двойственную природу: в них собственные идеи Сперанского причудливо сочетались с мыслями и положениями тех лиц, в расчете на которых были написаны эти произведения. Ученый предположил, что записка «О коренных законах» тесно связана с теми дискуссиями, которые велись в Негласном комитете вокруг реформы Сената. Сперанский не собирался представлять свою работу непосредственно Александру, но рассчитывал через членов Негласного комитета, и прежде всего Кочубея, сделаться известным царю как политический мыслитель. Было бы крупной ошибкой, утверждал Б. И. Сыромятников, принимать этот трактат за выражение подлинных убеждений и взглядов самого Сперанского. Поэтому важнейшую задачу исследования ученый видел в том, чтобы определить, что в проектах Сперанского являлось выражением его собственных воззрений и что — формулировкой данных ему заказов.¹⁶

Крупный вклад в изучение наследия Сперанского внес С. Н. Валк, выдающийся советский источниковед и археограф. Как и В. И. Семевский, С. Н. Валк изучал рукописи записок, но исследовал их более тщательно и скрупулезно, чем его предшественник, поэтому ему удалось сделать целый ряд ценных наблюдений, которые продвинули изучение рукописного наследия Сперанского далеко вперед. К 70-летию академика Н. М. Дружинина С. Н. Валк написал специальную работу, посвященную истории открытия и публикации законодательных работ Сперанского. Эта работа подготовила почву для первого в советское время и пока единственного издания трудов Сперанского. В издании, подготовленном к печати А. Н. Копычевым и М. В. Кукушкиной под редакцией С. Н. Валка, впервые были опубликованы все три ранние записки Сперанского. Если все предшествующие ученые сосредоточивали свое внимание главным образом на записке «О коренных законах», то С. Н. Валк кропотливо исследовал рукопись «Размышлений» и подметил один очень важный факт, который ускользнул в свое время от В. И. Семевского. С. Н. Валк установил, что 6 листов, изъятых из записки «О коренных законах», целиком вшиты в «Размышления». Это наблюдение позволило С. Н. Валку, во-первых, восстановить полный текст первого полити-

¹⁵ Окуль С. Б. История СССР: Годы 1796—1856: (Курс лекций). Вып. 1. (1796—1815). Л., 1939. С. 110—112; Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.: Л., 1957. С. 80—81; Миняева Н. В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века. Саратов, 1983. С. 11—12, 15, 23, 24.

¹⁶ Сыромятников Б. М. М. М. Сперанский как государственный деятель и политический мыслитель: (К столетию со дня смерти Сперанского) // Советское государство и право. 1940. № 3. С. 94, 95, 100—102, 107. — Точку зрения Сыромятникова подержал С. Б. Окуль во втором и последующем изданиях своего курса (Окуль С. Б. 1) История СССР: 1796—1825: Курс лекций. Л., 1948. С. 169—171; 2) Очерки истории СССР: Конец XVIII—первая четверть XIX века. Л., 1956. С. 172).

ческого трактата Сперанского, во-вторых, поставить вопрос о новой датировке «Размышлений». Он справедливо усомнился в том, «чтобы Сперанский, составляя записку в начале 1809 г., разыскал бы давно оставленную записку 1802 г. и воспользовался бы ею для заимствования оттуда мыслей, соответствовавших другим временам и другим настроениям». Ученый отметил, что Комиссия составления законов существовала не только в 1809 г., но и в 1802 г., содержание же и терминология «Размышлений» свидетельствуют о том, что этот документ должен быть отнесен «скорее всего к 1802 г.». Второе важное обстоятельство, связанное с изучением рукописей записок, заключалось в том, что С. Н. Валк обратил внимание на внешний вид этих документов. Рукопись «О коренных законах» была оформлена так, как оформились всеподданнейшие доклады и записки. Стиль «Размышлений» навел С. Н. Валка на мысль, что они, возможно, «написаны для другого лица». В качестве примера такой работы Сперанского на заказ С. Н. Валк указал на обнаруженное им в воронцовском архиве мнение А. Р. Воронцова о Сенате 3 мая 1802 г. На черновой рукописи этой работы, представленной А. Р. Воронцовым в Непременный совет от своего имени, ученый обнаружил пометку, в которой вельможа поместил обращенные к Сперанскому указания о дальнейшей переработке. Так С. Н. Валк впервые получил документальные доказательства того, что Сперанский в 1802 г. выполнял работы на заказ. «Здесь... — констатировал ученый, — и Сперанский, и один из тех высоких деятелей, которым еще не достигший таких ступеней Сперанский был вынужден служить своим пером».¹⁷

Все эти обстоятельства дали основание С. Н. Валку велел за Сыромятниковым еще острее поставить перед исследователями вопрос о том, «что в этих записках шло от Сперанского и что в них шло от тех, для кого Сперанский эти записки сочинил».¹⁸

На поставленный С. Н. Валком вопрос откликнулся Н. М. Дружинин. В сборнике, посвященном 75-летию С. Н. Валка, Н. М. Дружинин поместил статью, в которой предложил разделить все записки и проекты Сперанского на три категории: 1) черновики, написанные для самого себя; 2) черновые наброски для докладов и проектов на заданные темы; 3) окончательно отредактированные документы, поданные Александру I или в государственные учреждения. По мнению Н. М. Дружинина, в первой категории документов «наиболее точно отразились личные взгляды Сперанского». Во второй категории рукописей Сперанский должен был считаться с мнениями адресата, но в черновых набросках он высказывал собственные взгляды, если был уверен в сочувствии своих покровителей или даже единомышленников. Наконец, в третьей категории документов Сперанский послушно

¹⁷ 1802 г. 3 мая. Примечания о Сенате // Сперанский М. М. Проекты и записки. С. 67—75.

¹⁸ Валк С. Н. 1) Законодательские проекты М. М. Сперанского в печати и в рукописях. С. 470—472; 2) Предисловие // Сперанский М. М. Проекты и записки. С. 13—14.

воплощал требования своих заказчиков. Для того чтобы извлечь личные взгляды Сперанского, необходимо сопоставлять черновые наброски с идеями заказчиков, учитывая обстоятельства возникновения проектов и их дальнейшего продвижения.

Предложенный метод, справедливый в своем принципе, ничего, однако, не давал для исследования ранних записок, потому что обстоятельства их происхождения оставались невыясненными, идеи же заказчиков также были неведомы ученым, так как имена заказчиков неизвестны. Пользоваться этим методом без выяснения всех обстоятельств в сущности означало встать на путь произвольных толкований: нарисовать абстрактно общий контур идей Сперанского, которые должны были у него сложиться к 1802 г., а все, что противоречило бы им, объявить принесенным извне.

Н. М. Дружинин принял гипотезу В. И. Семевского относительно происхождения «Отрывка» как заказа П. В. Завадовского. Собрания Б. Н. Сыромятникова о том, что записка «О коренных законах» предназначалась для Негласного комитета, и прежде всего для В. П. Кочубея, также показались Н. М. Дружинину резонными. Что же касается «Размышлений», то Н. М. Дружинин объявил, что они представляют собой не что иное, как предыдущую записку «О коренных законах», только окончательно отредактированную по указаниям осторожного В. П. Кочубея и в сильно измененном виде поданную Александру. Соответственно предложенной классификации две первые записки попали во вторую категорию, а «Размышления» оказались в третьей.

Исходя из своего принципа, Н. М. Дружинин назвал содержание «Отрывка» и записки «О коренных законах» выражением политических взглядов самого Сперанского. Все, что, как казалось Н. М. Дружинину, противоречило взглядам Сперанского, он объявил «вставками заказчика» или написанным «под диктовку».¹⁹

Предположения Н. М. Дружинина вызвали критику со стороны саратовского историка В. А. Калягина. Он текстологически опроверг попытку академика представить как будто несвойственные Сперанскому пассажи вставками заказчиков. В. А. Калягин полностью отрицал возможность того, что «Отрывок» был написан на заказ, но в доказательство не привел сколько-нибудь убедительных аргументов. Отверг он и соображения Н. М. Дружинина о редактировании Сперанским «Размышлений» по указаниям Кочубея. В. А. Калягин выдвинул новую версию происхождения «Размышлений» и записки «О коренных законах». Сперанский, обильщенный примером В. И. Каразина, подбросившего Александру свое сочинение и посредством этого быстро возвысившегося, «пытался пойти по его стопам». В. А. Калягин полагал, что в этих документах Сперанский поместил отдельные положения, рассчитанные на признание в Негласном комитете. «Вероятнее всего, — заключил историк, — что

¹⁹ Дружинин Н. М. Крестьянский вопрос в ранних записках М. М. Сперанского // Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964. С. 254—256, 258, 260.

указанные ранние записки были написаны Сперанским самостоятельно и выражали его взгляды. . . »²⁰

Таким образом, одна точка зрения на так называемые ранние записки Сперанского состоит в том, что они отражают собственные взгляды их автора. Сторонники этой точки зрения — В. И. Семейский, С. Б. Окунь (в первом издании своего курса), А. В. Предтеченский и Н. В. Минаева — полагали, что независимо от того, писал ли он их для себя или по заказу каких-то сановников, обратившихся к нему с просьбой изложить его взгляды по тому или иному вопросу, Сперанский воплотил в них свой политический идеал, сложившийся у него в начале XIX в. Сторонники другой точки зрения — Б. М. Сыромятников, С. Б. Окунь (во 2-м, 3-м и 4-м изданиях своего курса) и В. А. Калягин — считали, что, хотя Сперанский и писал ранние записки по своей собственной инициативе, он при их составлении ориентировался на взгляды и симпатии каких-то влиятельных и правительственных кругов лиц, чьего покровительства пытался добиться. Некую компромиссную позицию занимал Н. М. Дружинин, который по сути дела разделял первую точку зрения, но с теми, однако, оговорками, что Сперанский корректировал свои записки согласно прямым указаниям своих покровителей. И только С. Н. Валк считал возможным, что так называемые ранние записки являлись секретарской работой, выполненной Сперанским по заказу других лиц, и что в этих документах воплощены идеи заказчиков, которым автор был вынужден служить своим пером. При этом С. Н. Валк допускал, что отдельные положения данных сочинений могли отвечать и взглядам самого Сперанского.

Для того чтобы разрешить вопрос о назначении записок, выясним для обстоятельности: уточним датировку рукописей и определим порядок их составления. В тексте двух записок есть не замеченное исследователями указание на то, когда они были написаны. В записке «О коренных законах» автор предлагает «поставить, чтобы дела в присутственных местах слушаны и решены были всеми заседателями вместе», а затем замечает: «Сей закон также столько удобен, что от двух или трех голосов зависело и иль не (разрядка наша. — М. С.) в Сенате решить о нем положительно» (с. 54). В «Размышлениях» же автор повторяет эту мысль: «Не делавши (разрядка наша. — М. С.) рассуждали в Сенате, должно ли местам судебным, составленным из трех состояний, предоставлять совокупность в решении дел. . . Несогласие одного или двух членов увлекло голоса в противоположную сторону, и сторона сия удостоена утверждения» (с. 65—66). В сенатском делопроизводстве не сохранилось материалов о рассмотрении упомянутого здесь вопроса, и, возможно, поэтому исследователи не воспользовались такой хронологической реальностью. Но указ Сената, подведший итог этому обсуждению, до нас дошел. Он состоялся 31 мая 1802 г. и впоследствии был включен в Полное собрание законов (ПСЗ. I. № 20284).

²⁰ Калягин В. А. Политические взгляды М. М. Сперанского. Саратов, 1973. С. 11—12, 15, 23, 24.

Итак, «Размышления», так же как и записка «О коренных законах», составлены вскоре после 31 мая 1802 г. Спор С. Н. Валка и В. И. Семевского относительно датировки «Размышлений» можно считать окончательно разрешенным в пользу советского археографа.

При более пристальном рассмотрении записок открывается еще одно важное обстоятельство: все три документа не только связаны единством содержания, терминологии, так что автор без особого труда перенес два пассажа из одной рукописи в другую (с. 45—49, 56—60, 63), но и содержат прямые указания друг на друга. Упомянув о том, что при составлении Уложения правительство должно уже иметь общий план будущей конституции, автор «Отрывка» заметил: «Я не смею здесь представить мыслей моих о сем великом деле, хотя в другом месте, испытав о нем размышления мои, мне кажется, доказал я самому себе, что трудность его состоит не в самом существе, но в выборе средства привести его в силу без крутостей и переломов» (с. 26). В. И. Семевский полагал, что здесь автор ссылается на свою записку «О коренных законах государства».²¹ Между тем нетрудно заметить, что автор имел в виду «Размышления», В. И. Семевскому в 1907 г., когда он писал эти слова, еще неизвестные. Записка «О коренных законах» обрисовывала общий контур будущих преобразований, в то время как именно в «Размышлениях» излагались способы, «коими подобные сему предположения... могут быть приведены в действие» (с. 56), причем как раз «без крутости, без переломов» (с. 66). Вместе с тем в «Отрывке» имеется целый ряд упоминаний, свидетельствующих о связи его с уже написанной и известной читателю запиской «О коренных законах». В «Отрывке» автор говорит: «Из общего плана внутреннего государственного управления, выше изображенного (здесь и далее разрядка наша. — М. С.), видно, что Уложение есть часть государственного постановления или конституции, содержащая в себе общие законы, коими устанавливаются взаимные права граждан в отношении к лицу и имуществу» (с. 21). В другом месте автор пишет: «... либо ныне существующее постановление, состоя в одной неограниченной воле, само собою прейти долженствует, как доказано выше» (с. 22). Здесь же помещена и такая фраза: «... мнение народное есть первая стихия, первая деятельная сила конституции, как доказано выше». Говоря о том, что при составлении Уложения план будущей конституции должен существовать только в общем виде и быть известным только составителям Уложения, автор заметил: «От зарождения его в правительстве до обнародования его, вероятно, протечет еще полвека, как яснее сие доказано выше» (с. 22).

Эти указания не укрылись от внимания В. И. Семевского, но на их основе он сделал заключение, что рукопись представляет собой отрывок (недаром кто-то так и озаглавил ее — «Отрывок») какого-то объемного сочинения, где были раскрыты все те положения, которые здесь имел в виду автор.²² Однако нетрудно заметить, что

²¹ Семевский В. И. Первый политический трактат М. М. Сперанского. С. 89.

²² Там же. С. 50.

и «план внутреннего государственного управления», и доказательство того, что в деспотической России неизбежны перемены в сторону демократизации управления, и тезис о народном мнении как движущей силе конституции развиты в записке «О коренных законах» (с. 30—31, 50—51). Есть в «Отрывке» и отсылка к готовящимся «Размышлениям». Автор дает здесь читателю следующее обещание: «Я впоследствии означу, как же именно употребление должно будет из сих людей сделать во второй комиссии» (с. 28). Как именно представлял себе автор труды людей, на которых предполагалось возложить обязанность составления Уложения, он осветил в «Размышлениях» (с. 66).

Таким образом, можно констатировать, что все три записки написаны в период 31 мая—11 сентября 1802 г., причем вначале была составлена записка «О коренных законах», затем «Отрывок» и потом «Размышления». Из того факта, что эти документы составляют единый комплекс, вытекает еще одно важное следствие: все три записки предназначались Александру I и были представлены царю. Что касается «Размышлений», то местонахождение самой рукописи (Комитет 6 декабря 1826 г., куда поступили документы из кабинета умершего Александра I) и первоначальные ее слова («Представляя Вашему величеству продолжение известных Вам бумаг о составе Уложения, долгом правды... считаю подвергнуть усмотрению Вашему следующие размышления мои...») (с. 56) свидетельствуют о том, что эта всеподданнейшая записка побывала в руках царя. Но из ее начальных слов также следует, что и «бумаги о составе Уложения» уже известны царю, т. е. и «Отрывок», и теснейшим образом связанная с ним записка «О коренных законах» были представлены Александру. Конечно, обе рукописи, сохранившиеся в бумагах Сперанского, являлись черновиками и несомненно царю не передавались, но беловники с них, пока не обнаруженные, определенно побывали у него в руках.

Установив этот важный факт, мы должны решить другой не менее существенный вопрос: от имени кого, самого Сперанского или какого-либо другого лица, записки были доставлены царю? Первое, что бросается в глаза, — это развязный тон, ирония и сарказм, совершенно невозможные в документах, переданных императору чиновником столь невысокого ранга, каковым был Сперанский в 1802 г. Одна фраза «Отрывка» явно указывает на то, что документ этот не мог быть представлен от имени Сперанского. Обращаясь к членам Комиссии составления законов с вопросом, касаясь их непосредственной деятельности, и желая подчеркнуть их неподготовленность и некомпетентность, автор саркастически восклицает: «Пусть завтра меня сделают их сочленом, если на все сие вопросы дадут они ответ!» (с. 19). Сказать так в 1802 г. Сперанский, конечно, не мог. Для него, служащего в канцелярии Непременного совета, стать членом Комиссии составления законов было бы повышением по службе, а не «падением». Фраза эта могла быть сказана только крупным вельможей,

для которого представить себя вдруг чиновником бюрократического учреждения могло бы показаться явной нежелательностью.

Присматривая материалы Комитета 6 декабря 1826 г., большинство которых составляют бумаги, найденные в кабинете Александра I после его смерти, мы обратили внимание на то, что рукопись «Размышлений»²³ написана одним и тем же писарским почерком, что и записка В. А. Зубова «О правах Сената» с приложенным к ней письмом царю от 29 апреля 1802 г.²⁴ Сопоставление бумаг В. А. Зубова с так называемыми ранними записками Сперанского дало крайне интересные результаты.

Прежде всего отметим, что записка В. А. Зубова вызвана к жизни теми прениями, которые возникли в ходе сенатской реформы 1801—1802 гг., и трактует один вполне конкретный вопрос о проекте указа, внесенного в Непременный совет в конце апреля 1802 г.²⁵ Ранние же записки Сперанского посвящены гораздо более широкому кругу вопросов: они ставят проблему реформы социально-экономического и политического строя России в целом. Однако В. А. Зубов рассматривает свой предмет в широком плане: через призму перспектив будущего развития России дает оценку современного состоянию страны и высказывает свой взгляд на направление необходимых ей преобразований. Благодаря этому представляется возможность сопоставить оба комплекса документов в плане определения общности политических позиций их авторов.

Автор записки «О коренных законах» подробно излагает учение о государственных силах и с помощью этого учения проводит анализ политического положения России. По его мнению, государственные силы бывают трех родов — физические, народного труда, народного уважения — и воплощаются (соответственно) в войске, деньгах, почестях и отличиях (с. 29—30). Из того же учения исходит в своем анализе и В. А. Зубов, он употребляет ту же терминологию, вкладывая в нее тот же самый смысл (л. 8 об. — 10). Конечно, это сходство легко можно было бы объяснить тем, что и учение о государственных силах, и сама терминология почерпнуты из одних и тех же источников — политических трактатов эпохи Просвещения. Однако этим нельзя объяснить поразительное совпадение оценок современного состояния России как страны, где нет реальных прав, а есть только ничем не ограниченная воля деспота, склонная к переменам. Авторы этих сочинений не только стоят на одних политических позициях, но и употребляют одни и те же выражения, так что создается впечатление, что все документы сочинены одним и тем же лицом.

Исходным моментом в этих сочинениях служит тезис о том, что в России государь является источником всех государственных сил. Сам по себе этот тезис имел очень широкое распространение, так что в данном случае интересно не столько содержание самого тезиса, сколько удивительная текстологическая близость его выражения

²³ ЦГИА СССР, ф. 1167, оп. 16, ч. 1, № 52.

²⁴ Там же, № 8, л. 1—20 об. — Далее все ссылки на это дело даются в тексте.

²⁵ Архив Государственного совета. СПб., 1878. Т. III, ч. 1, Стб. 15—50.

в обоих сочинениях. Вот как этот тезис изложен в сочинении В. А. Зубова и в так называемых ранних записках Сперанского (разрядка наша):

«Отрывок о Коннесии
Уложении»

... В России государь соединяет в себе все роды сил; он есть законодатель, верховный судия и первый исполнитель своих собственных законов — вот что называем мы государственным постановлением (с. 20).¹⁶

«О прилах Сената»

По настоящей конституции России источник, начало и конец всех сил государственных есть государь. Он один есть законодатель, судия и исполнитель собственных своих законов (л. 7)

Единое действующее в нашей конституции лицо есть государь, ибо он один соединяет в себе все роды сил... (л. 10 об.).

Исходя из этого тезиса, В. А. Зубов пишет: «Из сего соединения сил государственных происходит, что ни один класс государства в России самостоятельного и политического бытия иметь не может.

Я называю бытием самостоятельным, — поясняет он, — когда известный род людей не только имеет прана, на бумаге ему данные, но имеет силу их поддержать так, чтоб он без прав, а система государства без него существовать не могли». «То, что называется у нас правом, преимуществом, жалованною грамотой, — продолжает В. А. Зубов, — не что другое есть, как начертание воли владеющего государя о управлении, пользах и выгодах известного звания людей. Поскольку сия воля не ограничена, то очевидно, что всякую минуту она может перемениться, а с переменкою ей и все права и преимущества, естественно, упадут. Истинное право не что другое есть, как закон государственный, приложенный к пользам и выгодам известного состояния.

Не скажут ли еще, что у нас есть законы, — это было бы крайнее слов злоупотребление — закон есть непременимое изображение воли целого государства, а я вижу везде одни только указы, от одного владеющего лица истекающие и другим, а часто и им же самим изпроверяемые». Из этого автор делает заключение, что «в России никакое состояние людей действительных прав не имеет, потому что всякое право предполагает известную часть государственной силы, а у нас все силы собраны в одну самодержавную волю». Именно поэтому, утверждает В. А. Зубов, государственные органы, «для исполнения самодержавной воли учрежденные и от единого мгновения ей зависящие», также не могут иметь никаких прав (л. 7—10). Этот тезис служит отправным моментом для последующего анализа современного положения Сената. На тех же самых позициях стоит и автор «Отрывка», почти дословно он повторяет сказанное В. А. Зу-

¹⁶ В первоначальном тексте слово «верховный» отсутствовало.

¹⁷ В другом месте автор объясняет, что государственное постановление — это и есть конституция (с. 62). Отметим также, что в «Размышлениях» государь также выступает «я качестве законодателя, верховного судии и исполнителя своих законов» (с. 62).

бовым. Разбирая вопрос о будущем составлении Уложения и касаясь упоминаний в связи с этим о правах народа, автор замечает: «В России должно их предполагать, ибо в самом деле они еще не существуют, хотя и много писано о них в грамотах и манифестах. В правлении самовластном не может быть Уложения. . . . То, что называется Уложением и законом, в сих правлениях не что другое есть, как произвольное постановление власти: предержавшей, предписывающее взаимные граждан обязанности на известное время, доколе воля самовластная не рассудит переносить их или иным образом ограничить» (с. 21).

В записке «О коренных законах» автор утверждает: «Тот, кто будет рассуждать о России по внешнему ее составу, по грамотам состояний, по учреждению Сената, по сильному корпусу наследственного дворянства, не признает ли правление его монархическим?». Но «внешний образ правления никак не определяет существа его. . . он весьма может быть различен от внутреннего и даже совершенно ему противным». К тому месту автор делает примечание: «Из сего видно, как много те ошибаются, кои думают, что права, разным состояниям дарованные, или преимущества, разным сословиям судебным или законодательным данные, могут соделять законы твердыми или установить образ правления, — это здание, воздвигнутое на песке».

Из сего видно также, сколь тщетно писать или обнародовать общие государственные положения или конституции, не основав их на действительной государственной силе. Они могут быть превосходны, но никогда не будут самостоятельны. Добрая воля благодетельного гения может дать им некоторую силу, но сия сила, не изливаясь из собственного существа их, будет единый призрак бытия, который по необходимости должен исчезнуть с перемению воли, его произведшей» (с. 33).

В другом месте автор записки заявляет, что «ни в каком государстве политические слова не противоречат столько вещам, как в России» (с. 43), а затем задается вопросом: «Не говоря об установленных государственных мест и судилищ, которые все покрыты монархическими видами, чего у нас. . . недостает в самом внутреннем образе правления? Сенат не назван ли хранителем законов? Дворянство не есть ли урожденный их страж? Нет ли свободных состояний?». На свой вопрос автор отвечает так: «У нас все есть по наружности, и ничто, однако же, не имеет существенного основания. . . В самом деле, не говоря о тщетности политического бытия разных государственных мест, что такое есть самое дворянство, когда лицо его, имя, честь — все зависит не от закона, но от единой воли самодержавной; не от сей ли воли зависит и самый закон, который она создает, одна сама собою?» (с. 43). «Государство, сим образом составленное, какую бы, впрочем, не имело внешнюю конституцию, чтобы ни утверждали грамоты дворянства и городские положения, и хоть бы не только два Сената, но и столько же законодательных парламентов оно имело, государство сие есть деспотическое» (с. 45).

В бумагах В. А. Зубова совершенно определенно выражен взгляд на Александра как на монарха, стремящегося устроить «благоденствие... на непоколебимых основаниях», утвердить общественное благо «непрерывными законами» и оградить «непоколебимым оплотом неприкосновенность к нарушению их» (л. 1, 3 об.), т. е. выражена уверенность в том, что царь думает не только о введении непререкаемых законов, как делали его предшественники, но в отличие от них он занят еще и поисками путей гарантировать их непререкаемость. Точно так же смотрит на Александра и автор так называемых ранних записок Сперанского. Собственно говоря, ответу на вопрос, «каким образом коренные законы государства сделать столько неподвижными и непререкаемыми, чтоб никакая власть преступить их не могла», и посвящена вся записка «О коренных законах» (с. 28—56).

Автор «Размышлений», касаясь реформы Сената, так отзывается о реформаторских проектах 1801—1802 гг.: «Предположение о так называемом преобразовании Сената было бы не менее сего несходно с истинными началами благоустроенной монархии, в которой место, охраняющее закон, должно иметь нечто более, нежели пустые выражения прав и преимуществ» (с. 65). В. А. Зубов в своей записке также категорически утверждает, что «всякая власть и право без способов защищать себя от насилия суть ничтожны — пустой звук одних слов, а Сенат наш по составу своему сих способов в себе не вмещает». Доказательству этого тезиса посвящена вся записка «О правах Сената», ее лейтмотивом является идея о тщетности политических прав, существующих на бумаге, но не обеспеченных реальной силой (л. 7—20 об.). Автор записки «О коренных законах» противопоставляет «места государственные и государевы»: «... места государственные, я различаю их от мест государевых» (с. 38). То же противопоставление и почти в тех же выражениях делает и В. А. Зубов: «... Сенат никогда не был местом прямо государственным, но всегда был местом государевым» (л. 12 об.).

В своем сочинении В. А. Зубов находит необходимым, «сообразаясь естественному движению вещей и постоянному степени просвещения России», переменить «без перелома образ правления» и для этого считает нужным «сделать общий план, обдумать его во всех частях и по нем, располагая действия правительства, ириготовлять нечувствительно сию счастливую перемену» (л. 14—14 об.). Точно так же думает и автор ранних записок. Он признает реформы естественными и неизбежными (с. 22, 50—51, 60—61), подчеркивает, что степень просвещения России уже вполне достаточна для этого, стремится избежать «крутостей и переломов» (с. 26, 50), ратует за составление плана и необходимость руководствоваться им в повседневной деятельности правительства (с. 64—66).

Обращают на себя внимание близость авторских приемов, характерных для обоих комплексов сопоставляемых документов, чисто внешнее сходство оформления рукописей. Во всех сочинениях наблюдается характерный стилистический прием: автор ставит вопросы и сам отвечает на них (л. 8—10 об.), постоянно прибегает к диа-

логу с воображаемым собеседником, перемежает свою речь французскими и латинскими выражениями (с. 18—20, 32—33, 38; л. 2 об., 8—10 об., 13 об.). Автор часто дает обширнейшие сноски, отмеченные звездочками, где раскрывает содержание того или иного тезиса (л. 13—14 об., 15 об.—16; с. 22—27, 30—35, 39—40 и др.), ссылаясь на другие свои сочинения (л. 2 об.; с. 21, 22, 28). И тон, и стилистика этих сочинений очень близки: высокопарные обращения к царю на «ты», сопровождаемые льстивыми эпитетами и назойливыми уверениями в искренней любви, сочетаются с язвительными замечаниями, полными сарказма по отношению к его окружению, чиновникам и так называемому высшему обществу (л. 12 об., 13 об., 18 об., 19; с. 61—62, 64).

Итак, авторы этих сочинений стоят на одних и тех же политических позициях, пользуются одной и той же терминологией, применяют одинаковые стилистические приемы, сходно оформляют свои рукописи. Вышеозначенные наблюдения в совокупности приводят нас к заключению, что все эти сочинения написаны одним и тем же лицом — В. А. Зубовым. Все, что нам известно о деятельности В. А. Зубова в 1801—1802 гг., вполне соответствует тому облику автора, который встает со страниц так называемых ранних записок Сперанского.

В. А. Зубов — родной брат последнего фаворита Екатерины II Платона Зубова. Оба брата являлись руководителями заговора против Павла I, а после убийства царя принадлежали к числу самых влиятельных сановников Александра I. В начале XIX в. современники настойчиво связывали их имена с идеей конституционного преобразования России. Правда, на первом плане постоянно фигурировал Платон, и то время как Валерьян больше оставался в тени. По свидетельству очевидцев, П. А. Зубов имел намерение ввести «умеренную конституцию», делал довольно прозрачные намеки на это, брал у генерала Клингера «Английскую конституцию» Деломма²⁸ для консультации,²⁹ подбивал П. И. Заводовского побудить царя начать реформу государственного управления,³⁰ содействовал тому, что слухи о конституционных реформах получили широкое распространение в столице,³¹ сам ходил будто бы «с конституцией в кармане»³² и вместе с Г. Р. Державиным пред-

²⁸ *De Lolme J.-L. Constitution de l'Angleterre ou l'état du gouvernement anglais dans lequel il est comparé à la loi avec les autres monarchies de l'Europe.* Amsterdam, 1771. — См. русский перевод: Конституция Англии или состояние английского правления, сравнительно с республиканской формой и с другими европейскими монархиями. Сочинение г. де Лолма, члена двухклетного Совета Женевской республики / Пер. с фр. коллежский ассесор Иван Татищев. М., 1806. Т. 1.

²⁹ Царевниство 11 марта 1801 г. / Записки участников и современников. СПб., 1908. С. 397.

³⁰ Вел. кн. Николай Михайлович, Граф Павел Александрович Строганов (1774—1817): Историческое исследование эпохи императора Александра I. СПб., 1903. Т. II. С. 7.

³¹ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 1, д. 57, л. 22.

³² Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. 2-е изд. СПб., 1878. Т. VII, ч. 1. С. 852.

стал проект преобразования Сената на конституционных началах.³¹

О В. А. Зубове известно, что в первые месяцы после переворота он, как и его брат Платон, настолько свободно произносил слово «конституция», что в петербургских верхах даже возникло подозрение, не поставили ли братья Зубовы вместе с другим влиятельнейшим заговорщиком П. А. Паленом «как условие sine qua non видоизменение верховной власти».³²

Вопрос о преобразовании государственного строя России, возбужденный заговорщиками, как известно, первоначально вылился в обсуждение реформы Сената, в ходе которой различные правительственные группировки высказались о преобразовании этого органа.³³ Когда вопрос о сенатской реформе обсуждался в Непременном совете (21 апреля—5 мая 1802 г.), В. А. Зубов подготовил выше-рассмотренную записку. Он выступил против проектов расширения власти Сената, за которые ратовала поддерживаемая Негласным комитетом так называемая сенатская партия — П. В. Завадовский, Д. П. Троицкий, А. Р. Воронцов. Позиция В. А. Зубова сводилась к следующему: коренное преобразование Сената необходимо, но оно может быть произведено только на конституционных началах. Речь же пока идет о сохранении самодержавия, поэтому предложенные в проекте преобразования, являющиеся полумерами, поскольку они все же выходят за рамки допустимого в условиях самодержавного режима, от них следует отказаться. Развил ли В. А. Зубов свою аргументацию на заседании Непременного совета, неизвестно.³⁴ В журнале Совета 1 мая 1802 г. суть его позиций была передана чрезвычайно кратко: в него попали лишь рекомендации о том, как следует поступать с проектом уклада о правах Сената.³⁵ Свои же записку вместе с приложенным к ней письмом В. А. Зубов 29 апреля 1802 г. отправил Александру. Письмо сопровождал собственноручный постскриптум. В нем В. А. Зубов сообщил, что у него кроме представленных бумаг имеются еще другие, «сравнительнейшие», и про-

³¹ См. подробно: Сифония М. М. Конституционный проект П. А. Зубова — Г. Р. Державина // ВИД. Л., 1978. X. С. 226—244.

³² Докладное Олри от 9 (21) октября 1802 г. // РГ 1116, ф. 859, карт. 36, № 11, л. 4 об. — В опубликованном русском переводе этого доклада цитируются места передано цензурой (Ива. ак. Николай Михайлович. Из докладов бапарского поваренного в делах Олри (Олгу) в первые годы царствования императора Александра I (1802—1806). Пг., 1917. С. 2).

³³ См. подробно: Сифония М. М. Самодержавие и борьба вокруг государственных реформ в первые годы XIX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук М., 1975. С. 1—22.

³⁴ В одном из важнейших документов подпольно декабристами — «Разборе доклада Табуной следственной комиссии М. С. Лунина и П. М. Муравьева» — содержится следующий перечень оппозиционных выступлений, предшествовавших декабристскому движению. В этом перечне есть, между прочим, и такое упоминание: «В начале царствования Александра Сенат в докладе своем, просил оинию устройства, бездельно-вал в том, что в России места всегда уступают лицам. Вследствие Ваалерия Зубов говорил в Государственном совете в пользу конституционного правления, но гласное его был заглажен записками приверженцами старинна» (Записки декабристов. Ленинград, 1863. Вып. II—III. С. 130).

³⁵ Журнал заседания Государственного совета 1 мая 1802 г. // Архив Государственного совета. Т. III, ч. 1. Стб. 18.

сил у царя назначить точное время, когда бы он мог «поднести оные» и заняться с ним «суждением о существе их, на что довольно немалое потребно время». ³⁸ Думается, что здесь В. А. Зубов имел в виду те записки, где он развил свою реформаторскую программу, самые общие черты которой были уже высказаны в апрельских сочинениях, т. е. так называемые ранние записки Сперанского. В июне записки были приведены в окончательный вид и, вероятно, тогда же представлены царю. ³⁹ «Размышления» оказались в кабинете Александра, черновики же двух других осели в бумагах Сперанского, а затем попали к Н. И. Тургеневу, где В. И. Семевский и нашел их.

В бумагах Сперанского они оказались не случайно. Он несомненно участвовал в подготовке этих сочинений, ⁴⁰ о чем неоспоримо свидетельствуют некоторые пометки и большие вставки на отдельных листах, написанных его рукой (все они воспроизведены в фундаментальной публикации С. И. Валка). Глубоко прав был С. И. Валк, когда, еще не располагая точными данными и опираясь главным образом на своей интуиции, выдвинул предположение о том, что так называемые ранние записки не являются выражением мыслей и идей Сперанского. Только едва ли можно говорить о том, что Сперанский был автором этих записок, подготовленных по заказу В. А. Зубова. Роль Сперанского скорее всего секретарская. Почему было не воспользоваться его опытным пером брату екатерининского фаворита, если Сперанский вполне успешно выполнял такого рода поручения разных лиц. ⁴¹

Участие Сперанского в составлении зубовских записок, по всей видимости, оказало определенное влияние на его становление как политического мыслителя и государственного деятеля, но отнюдь не явилось значительной вехой в эволюции его собственных идей и взглядов. Что же касается В. А. Зубова, то эти записки являются важнейшим памятником русской общественно-политической мысли начала XIX в. В них содержится самая острая и дотильзитский пери-

³⁸ ЦГИА СССР, ф. 1167, оп. 16, ч. 1, л. 8, л. 5.

³⁹ В июне 1802 г. П. А. Зубов, находясь в Вене, переслал В. А. Зубову какое-то письмо вместе с двумя приложенными к нему пакетами с бумагами для передачи Александру. П. А. Зубов представил брату копии этих бумаг и поручил В. М. Бякину дать словесные разъяснения по ним. П. А. Зубов прислал известить его, как царь примет эти бумаги (П. А. Зубов — В. А. Зубову, 12 июня 1802 г. (копия) // ОР ГИБ, ф. 859, карт. 2, л. 17.).

⁴⁰ О связи В. А. Зубова с М. М. Сперанским см.: Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1871. Т. VI. С. 801.

⁴¹ В качестве примера такой работы вслед за С. И. Валком укажем на подготовленные Сперанским в это же время «Примечания» А. Р. Воронцова о Сенате от 3 мая 1802 г. Только едва ли можно также считать, что эти «Примечания» являются по сути сочинением Сперанского, выполненным по воронцовскому заказу. Как верно отметила Н. В. Мищенко, «Примечания» ничем не отличаются от других сочинений, принадлежащих перу А. Р. Воронцова лесовикова. Думается, что рушились этого сочинения, на полях которой есть пожелания А. Р. Воронцова, адресованные Сперанскому для переработки в соответствии с его указаниями, доказывают не авторство Сперанского, а лишь его стилистическую правку (Мищенко Н. В. Правительственный конституционализм и переходное общественное мнение России в начале XIX века. С. 108).

од критика деспотического характера российской монархии. Появление же нового имени в истории политических учений в России делает необходимым внести определенные изменения в традиционную картину общественно-политического движения этого времени.

Л. И. ТОЛСТАЯ

ДНЕВНИК И ВОСПОМИНАНИЯ ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОРОДСКОГО ГОЛОВЫ И. И. ТОЛСТОГО (1913—1916 гг.)

Крупный ученый — археолог и нумизмат И. И. Толстой был одновременно и видным общественным деятелем. Достаточно открыть адресную книгу «Весь Петербург» хотя бы за 1913 г., чтобы узнать, председателем каких разнородных по своим задачам обществ он был. Это и Общество библиоковедения, им организованное, и Общество деятелей печатного дела, и Общество по борьбе с проказой.

Помимо печатных работ, научных¹ и публицистических (журнальные и газетные статьи и интервью, содержавшие, как правило, ответы на острые вопросы текущего политического момента), И. И. Толстой оставил после себя и рукописное наследие. Это его воспоминания о министерской деятельности² и дневник, который обрывается меньше чем за месяц до смерти автора.

Дневник И. И. Толстой начал вести по настоянию В. В. Стасова, на которого большое впечатление произвели воспоминания о министерской деятельности. Передавая их в Публичную библиотеку, И. И. Толстой снабдил запечатанный конверт точными указаниями о дальнейшей судьбе рукописи. Относительно того, как подлежит поступать с текстом дневника в случае его возможного опубликования, автор на обороте переплета первой книжки сделал 18 ноября 1911 г. запись с соответствующими рекомендациями. По мнению автора, следует убрать все, что не может представлять интереса для читателя, например данные о погоде, перечисление гостей за обедом, отдельные описания заграничных путешествий и т. п. И. И. Толстой не считает возможным, как он сам пишет, «изводить читателя неважными и скучными отметками день за день».

Как и в воспоминаниях о министерской деятельности И. И. Толстой уделяет внимание многим теперь для нас крайне интересным «мелочам», так и в своем дневнике он не проходит мимо того, что другого автора могло бы и не привлечь. В записях отмечается реакция прессы (с указанием названия газеты) на то или иное событие, порой

¹ См.: К столетию научно-нумизматической деятельности И. И. Толстого: (Библиография трудов и основные даты жизни) // Тр. ГИМ. М., 1986. Вып. 61. С. 172—179.

² Толстая Л. И. Воспоминания И. И. Толстого как исторический источник // ВИД. 1987. XIX. С. 201—216.